

Шедяков В.Е.

Ресурсно-методологические базы геостратегического переформатирования

Рассматривается ресурсно-методологический арсенал постглобализма. Анализируются возможности геостратегического переформатирования. Изучаются аспекты и динамики стратегической конкуренции культурно-цивилизационных миров. Особое внимание уделяется потенциалу осуществления информационного давления.

Ключевые слова: постглобализм, культурно-цивилизационный мир, стратегическая конкуренция, информационное давление.

но-цивілізаційних світів. Особлива увага приділяється потенціалу здійснення інформаційного тиску.

Ключові слова: постглобалізм, культурно-цивілізаційний світ, стратегічна конкуренція, інформаційний тиск.

A resource-methodological arsenal of post-globalism is considered. The possibilities of geostrategic reformatting are analysed. The aspects and dynamics of the strategic competition of cultural and civilizational worlds are being studied. Particular attention is paid to the potential of information pressure.

Key words: post-globalism, cultural and civilizational world, strategic competition, information pressure.

УДК 1.000.165.6

Шедяков В.Е.,
доктор социологических наук,
независимый исследователь

Розглядається ресурсно-методологічний арсенал постглобалізму. Аналізуються можливості геостратегічного переформатування. Вивчаються аспекти й динаміка стратегічної конкуренції культур-

Состязание между странами и культурно-цивилизационными мирами в рамках «коридора свободы» определённого миропорядка при выходе за его пределы сменяется ожесточённой конкуренцией за формирование из хаоса нового порядка мироустройства на основе институциональной памяти и представления о должном/желаемом, выливаясь в борьбу за возможность возглавить/использовать в своих интересах возникающие политико-экономические конструкции.

Международное восприятие разнообразных аспектов социокультурного уровня информационного воздействия испытало на себе влияние работ У. Троттера «Стадные инстинкты в дни мира и войны» / «Инстинкты толпы во время мира и войны»; Э. Бернейса «Кристаллизация общественного мнения», «Манипуляция общественным сознанием: как и почему», «Инженерия согласия» и «Пропаганда»; Г. Лебона «Психология народов и масс»; У. Липпмана «Общественное мнение»; М. Конвея «Толпа времен войны и мира»; Э. Мартина «Поведение толпы»; Б. Эльтинге «Психология войны», а также Дж. Арвиллы и Д. Ронфельдта, А. Эдмюллера и Т. Вильгельма, Дж. Бьюкенена, Б. Гарта, С. Каннингема, У. Куастхоффа, Э. Кассирера, Х. Кепплингера, М. Кунцика, Г. Лассуэлла, Э. Люттвака, Р. Мак-Чесни, Г. Маркузе, С. Москвичи, К. Маттогно, Дж. Ная, Э. Нозль-Нойман, Дж. Овертона, В. Парето, А. Понсонби, В. Фаркаша, Г. Франке, Э. Фромма, С. Хантингтона, Дж. Шарпа, Г. Шиллера, А. Эдмюллера и др. В формировании отечественной традиции участвовали такие учёные, как Т. Аничкина, А. и Е. Аулины, А. Белоусов, В. Большаков, С. Бухарин, Н. Вакурова, Н. Волковский, Д. Гавра, К. Гаджиев, В. Гладышев-Лядов, А. Горбушкин, Л. Гринин, С. Гриняев, Д. Гусев, Г. Дилигенский, Е. Доценко, С. Дятлов, А. Дугин, М. Жаров, С. Кара-Мурза, Ф. Ильясов, И. Иванов,

А. Киселёв, А. Кольев, М. Короткова, И. Кузнецов, Л. Лаптев, В. Липкан, О. Лушников, А. Манойло, А. Марунченко, О. Матвейчев, И. Мелюхин, Н. Модин, И. Мощанский, М. Назаров, Д. Олшанский, Ю. Орлов, И. Панарин, В. Пантелеев, С. Паршин, Н. Пелагеша, Д. Попов, Н. Семечкин, Н. Стариков, О. Судоргин, С. Ткаченко, К. Туркова, В. Хозиков, Е. Хусаинова, Э. Цветков, В. Цыганов, Т. Шевяков, В. Шейнов и пр.

Соотношение различных составляющих частей общей конкурентоспособности изменчиво. Изучение закономерностей и случайностей управления, общего и особенного в принятии выбора на уровнях стратегии, тактики и оперативного искусства осуществлялось издревле: часто от их усвоения и применения зависело выживание. Именно повторяемость логики исторических сюжетов, с одной стороны, позволяет проследить зависимость результатов от условий осуществления и особенностей действий, а с другой – ведет к констатации соединения элементов циклично-волнообразных и необратимых (прогрессивных/регрессивных), что позволяет уточнять инструментарий воздействия. При этом, разумеется, средства воздействия существенно трансформируют дерево целей, формируя кластеры позитивных и негативных рисков. Так, в частности, судьбы противостояния культурно-цивилизационных миров решались и в результате стратегических решений. Определённость действий складывалась под воздействием диалектики внутренних и внешних факторов. В частности, динамика переформатирования складывается под давлением многоуровневых постглобальных трансформаций [1–5].

Длительное время друг друга сменяли конкретные культурно-цивилизационные миры, захватывавшие лидерство и распространявшие/навязывавшие свои стандарты и подходы. Как

правило, на одном историческом интервале сходилось несколько разнородных социокультурных образований, зачастую – на разных фазах трансформации. Значительная часть XX века прошла под знаком предглобализма со всемирным противостоянием лагерей социализма, создавшего Организацию Варшавского Договора и Совет Экономической Взаимопомощи во главе с признанным лидером (СССР), и империализма с доминированием США в НАТО и более мелких военно-политических союзах. Деструкция СССР и, соответственно, структур, движителем которых он был, определила на какой-то срок всемирное господство США с навязыванием удобной для них системы шаблонов при использовании механизмов глобализма и однополюсности ойкумены. Третье тысячелетие знаменует переход к постглобальному состоянию, для которого теперь свойственно возрождение множественности культурно-цивилизационных миров со своими устоями, подходами и системами оценок.

Вместе с тем, трансформируются не только международные отношения, меняется содержание общественной жизни. Человечество входит в период гораздо более радикальных перемен, нежели привычные. Радикальный характер и размах трансформаций очевидны. Речь идёт уже отнюдь не только о политических условиях реализации свободы, но и о значительно более глобальных её перспективах, связанных с доминантой терпимости и многоукладности. В частности, мигранты, безработица, терроризм стали важнейшими факторами внутренней жизни культурно-цивилизационных миров, влияя на состояние корзины прав и свобод человека. Между тем, когда нет стабильной внешней опоры в виде общей идеологии, единственной культуры, стереотипной науки, тогда необходимо признавать право на существование непохожего, особенного и необычного. Ойкумена не будет прежней, включив в своё состояние и прошлое, и настоящее. При этом, как показали разноуровневые выборы 2016–2017 гг. в ряде стран, так и не сумевшие выдвинуть и внятно артикулировать ответы на определяющие мировые вызовы традиционные идеологические партии с разделом на «правых» и «левых» уступают место менее структурированному противоречию глобалистов и антиглобалистов, истеблишмента и народов. Весомыми факторами поддержки качества социокультурной целостности становятся, с одной стороны, СМИ, Интернет, социальные сети, а с другой – самостоятельный общественный контроль и независимость судебной ветви власти.

Дело уже вовсе не в смене одной стадии (формации, этапа и т. п.) другой. Ныне осуществляются изменения не только отдельных социальных институтов, но и самих моделей жизнедеятельности и развития, культурной среды,

отношений и структур. Сущность трансформаций связана с перерастанием стадийного (формационного, этапного) развития, с преодолением материальной доминанты жизнедеятельности. Основными чертами, определяющими диапазон как наметившихся стратегических трансформаций, так и воздействия на них, становится переход: от экономики простого труда к экономике уникального творчества, от экзогенного количественного роста к эндогенному качественному развитию, от доминанты материального к духовно-нравственному и интеллектуальному, от базирования на расходовании физического труда как основной части общественно-необходимого к духовно-интеллектуальной деятельности как его определяющей составляющей части, от ориентации на сверхпотребительство и погоню за удовольствиями к ценностям нравственности и созидания, от формационного к неформационному, от обмена на основе сравнения товаров к обмену на базе сопоставления способностей, от дихотомии демократии/автократии к осязаемым элементам меритократии, от концептуальной открытости к признанию права на самоценность и обособленности культурно-цивилизационных миров, от космополитизма/национализма к регионализму и стратегическому партнёрству, от навязывания единства шаблонов глобализма к постглобальному разнообразию на основе базовых ценностно-смысловых комплексов культурно-цивилизационных миров. Бифуркация такого уровня привела когда-то к порождению общественно-биологического развития. Теперь она существенно дифференцирует ойкумену.

Так, в мире не только сосуществуют мириады социокультурных стилистик, в большей или меньшей степени комплементарных либо враждебных друг другу, готовых к конкуренции и/или партнёрству, находящихся на разных фазах своего развития и различающихся по балансу своих преимуществ/недостатков, возможностей и потенциалов. Внешне возрождаются контуры империй и геостратегических альянсов прежних веков домодерного периода, усиливается притяжение традиционных центров влияния, но эти формы характеризуют новые процессы. Многополюсный и разноскоростной мир, самоценность совершенно отличных друг от друга культурно-цивилизационных миров, нетерпимость к попыткам внешнего диктата и отторжение империалистического культуртрегерства – всё это (и многое другое) – приметы кардинальных трансформаций, связанных с усилением постглобального устройства мира, умение жить и развиваться в котором становится приоритетным фактором стратегической конкуренции между культурно-цивилизационными мирами. Разумеется, объективные и субъективные основания постглобализма формировались

и накапливались давно. Однако его системное всепроникающее качество и ведущее для ойкумены значение – явление новое. Отныне именно умение культивировать и использовать свою «особость» (а вовсе не готовность склониться перед навязываемыми извне штампами) становится важнейшей составляющей конкурентоспособности культурно-цивилизационного мира. В этой ситуации стремительно увеличиваются гетерогенность, неопределённость, взаимопроникновение разных фрагментов, подвижность границ; кардинально меняется соотношение общественных норм и аномалий, что накладывается на изменения в политической культуре и коммуникациях, где возрастает значение масс-медиа, «кликковых» контактов и «смайликовых» восприятий, создавая благоприятный фон для манипуляций [6–10].

Ныне наиболее заметно особое значение (в частности, для протекания и результатов конкуренции), приобретаемое духовно-нравственным аспектом реформирования всякого культурно-цивилизационного мира. Этому способствует направленность осуществляемого ойкуменой кардинального перехода. В этой ситуации стремительно увеличиваются гетерогенность, неопределённость, взаимопроникновение разных фрагментов, подвижность границ, кардинально меняется соотношение общественных норм и аномалий культуры. Преодоление же «внеморальной» модели принятия решений, рост антропоцентрических тенденций радикально обогащает творческий потенциал: человек умеет и знает больше, чем осознаёт. При опоре на базовые ценностно-смысловые комплексы своего культурно-цивилизационного мира реформа становится жизненным принципом, вовсе не отвергающим исторический опыт и жизненный уклад. Преданность будущему не отрицает завоеваний прошлого. Духовное подвижничество при этом отливаётся в организационно-управленческих формах, соответствующих логике общественных процессов.

Информационный взрыв резко усилил возможности социального уровня и социокультурного содержания реализации информационного давления (изучаемого давно, в том числе с позиций стимулирования как позитивных, так и негативных общественных мутаций), выдвигаясь на авансцену ресурсно-методологических баз стратегического реформирования. И ныне на формирование успешных стратегий оказывают существенное воздействие наложение процессов информатизации и повышения роли Интернета (в частности, социальных сетей), постмодернизации, размытия национального суверенитета глобализацией и регионализацией, сочетания интеллектуализации и стандартизации восприятия [11–15]. Доминирование в информационной сфере дает возможность оперирования чужими ресурсными

базами без несения ответственности за распоряжение ими. Виртуальные миры способны уже не просто воздействовать на реальность, управление киберпространством дает решающее превосходство при разьяснении настоящего, прошлого и будущего.

Однако «текущая реальность» среды и обширность политических коммуникаций не только делают иллюзорной внешнюю (как природную, так и социальную) опору, но и требуют искать и выстраивать устойчивость в себе самом, в своём внутреннем мире, отбирая из разных эпох и систем близкие именно для себя фрагменты, причём формирующиеся смыслы жизнедеятельности (человеческой и культурно-цивилизационных миров) определяют направленность, темпы, формы и очерёдность трансформаций их конкретных характеристик, а стало быть, поведенческие аспекты конкурентных противостояний, но сами проявляют себя как сторона ценностного восприятия окружающего. Ценностные иерархии и жизненные смыслы неотъемлемы друг от друга и постоянно резонируют. Соответственно, ценностно-смысловые комплексы действуют слитно: с одной стороны, ценности окрашивают характер и направленность смыслов, с другой – они наполняют смыслом те или иные действия, определяя направленность интереса как познавательного, так и конструктивного. Таким образом, избирательность и многообразие социокультурных репрезентаций за счёт формирования ценностно-смысловых комплексов обеспечивает не только ядро культурно-цивилизационного мира и формирование саморегулирующих и саморазвивающихся механизмов, укоренённых в традициях, устоях, нормах и передающихся механизмами социального наследования и памяти, но и предпочтения в путях, этапах и очерёдности возможных социально-политических действий. Подвижность ресурсно-методологических баз стратегического реформирования требует адекватных трансформаций государственных механизмов и гарантий отстаивания коренных интересов своего культурно-цивилизационного мира, а также расширения корзины прав и свобод личности [16–19].

Гармоничное состояние баланса различных составляющих частей динамик общественной жизни формирует её качество соборности, позволяющее консолидировать интересы различных социальных групп без подавления какой-либо из них. Единство векторов публичной и приватной жизни поддерживается механизмами государственно-частного партнёрства, взаимоусиливающими потенциал общества, бизнеса и государства [20–27]. Так внутренняя организационная структура культурно-цивилизационных миров определяется последовательностью сверхпроектов, сосредотачивающих в себе сущность порывов исторического

творчества. Однако под влиянием многоаспектных тенденций постмодернизации бессмысленным является покорное следование какому-либо внешнему канону; необходим комплекс решений, позволяющих объединить посткризисные логики и развитие применительно к конкретным условиям. Разумеется, есть некоторые правила и идеи, реализация которых повышает эффективность действий. Однако речь идет отнюдь не о прокрустовом ложе форм. Напротив, успех венчает усилия, которые становятся «адаптацией» подходов к конкретным условиям, базируются как на правилах, так и на отступлениях от общего контекста; часто конкурентный выигрывает – следствие именно нарушения искусственно навязанных представлений об ограничениях и творческого использования конкретной специфики обстоятельств противоборства, так что критично важным становится отслеживание динамики методологии в отступлении от всеобщего к своеобразному. Эффективное развертывание этого инструментария в складывающихся условиях предполагает применение многочисленных исследований по вопросам социального управления, путем стимулирования желательных изменений. И если страны, находящиеся в ядре своего культурно-цивилизационного мира, выявили достаточно полно направления и диапазон своих поисков (организационного включительно), определились с предпочтениями и ограничениями, то возможность реализации значимых для всего человечества находок возрастает на грани контактов и диффузии, в зоне столкновений культурно-цивилизационных миров. Соответственно, меняется и представление об эффективном управлении. Исчерпание линейной логики западного доминирования усиливает ризомические процессы. При этом политические субъекты по-разному подходят к пониманию исторического процесса в силу того, что каждый из них обладает своими собственными психологическими характеристиками, аксиологическими и мировоззренческими установками. Подобная ситуация закономерна по своему характеру, так как в действительности исторический опыт представляет собой не только близость, сочетание человеческих позиций, но и их противопоставление, столкновение, то есть речь идет о жестком переплетении различных тенденций, скрещивающихся или отталкивающихся в понимании людей, которые способствуют накоплению опыта. Вместе с тем искаженное (иррационально-превращенное, фетишизированное) отражение действительности при виртуальном давлении в момент форсированных трансформаций усиливает искусственные, фантазмагорических характеристик и направлено за пределы той социальной структуры, где осуществлялась непосредственная жизнедеятельность конкретных культурно-цивилизационных миров.

Сейчас (при активном распространении глобализацией потребительских стандартов и шаблонов и развертывании процессов «гиперконкуренции») отстаивание самоидентичности альтернативных культурно-цивилизационных миров ещё сложнее. К примеру, неизмеримо возрастает диапазон средств в сфере сбора информации, подавления воли, откола периферийных территорий, усиления нестабильности (вплоть до инициирования протестных движений) в ядре культурно-цивилизационного мира, ресурсной базы информационного воздействия в направлении стимулирования желательных изменений. Соответственно, неизмеримо расширяется методологический и ресурсный диапазон воздействия как на социальном, так и на индивидуальном уровнях. Как показывает практика, свою эффективность (вплоть до управляемого хаоса или гуманитарных интервенций) подтвердили меры из числа не прямых действий, гибкой власти, мягкой силы и т. п.

Уже очевидно, что при попытках директивного (командного) управления множатся возникающие социальные отношения, отрицающие результативность численных воплощений однозначных моделей. Логика однозначности причинно-следственных связей (модель «дерева») давно переросла в модель «куста» (характеризующую социальность, выросшую до многофакторности) и «ризому» стохастического состояния социальности, где сплетены самые причудливые сочетания логики бытия. Любая ветвь может стать корнем, узлом нового развития. Логика, как и завершённое знание, всегда запаздывает, и для выработавшей их цивилизации они уже не представляют необходимости. И дело не только в том, что сова Афины обыкновенно задерживается, а в факте самообнаружения целей в основном уже после их исчерпания. В самом процессе они не явны. Живой процесс, как правило, вне целей. Цель выявляется у процесса остановившегося, мертвого. И вместе с тем только неразвитый объект несет свою методологию отдельно, тогда как более совершенные структуры включают методологию внутрь себя. Подобным образом в животном мире тело простейших животных (у которых скелет снаружи) можно легко отделить от костяка (улитка, черепаха); у высших же животных скелет внутри, он не явен. Так и логический метод: то уже не нужен, то несовершенен. И в любом случае он не применяется непосредственно к необработанному эмпирическому материалу, а требует специальных теоретических понятий. Поэтому он больше пригоден для выработки способа понимания фактов. Когда метод применяется как нечто, явным образом отличное от материала (предмета) – он еще неразвит, бессилён. При попытке выделить метод в чистом виде исследователи получают нечто иное, суть же его улав-

ливается лишь вместе с имманентным ему развитием предмета. Так что как только наука путем теоретической критики доводится до состояния, когда её можно представить логически, материал начинает жить собственной жизнью без необходимости в специальном методе, и методология в предмете умирает. В целом же, чем совершеннее работа (осмысление и действие, реализация аналитической и конструктивной функций), тем незаметнее метод, то есть когда методология достигает расцвета, она «умирает», теряет свое существование вне теории.

Так, постмодерн требует имманентности метода переформатирования, его нахождения в самом содержании предмета обществоведения, так что метод развивается в соответствии с содержанием, применение же его многоуровнево и вне-иерархично. Переход к постмодерну серьёзно меняет структуры развития, требует переоценки ресурсной базы и вектора перемен. Соответственно происходящим трансформациям утрачивается доверие к логике, как когда-то к русалкам и лешим. Торжество информации как таковой – не впереди, а позади: движение от обмена товарами через обмен информацией к обмену способностями уже выявило за информационными средствами выражения их основание – разнообразие творческих способностей человека. Реализуется «оборачивание метода»: его результат фиксируется в формах достижения единства предмета и метода, имеющих своим содержанием критику, составляющую сущность теоретического отношения к фактам исторического развития. Таким образом, теоретическая критика – это первоначальная форма разрешения противоречия между предметом и методом с перевесом метода, не тождественная морально-практическому отношению к действительности, ибо она не способна к снимающей (включающей) критике.

Между тем, в прошлом период «бури и натиска» повсеместно делал характерными, привычными и общими технологии администрирования и жёсткого управления – насилия. Цивилизации выросли на идеях жёсткой утопической социальной инженерии, которые заложены Платоном и Руссо, Марксом и Вольтером и предусматривают, что все полезные институты вроде бы оказываются результатом целеустремленного и осознанного конструирования. Этот подход когда-то достаточно полно сформулировал советский селекционер Иван Мичурин в таком требовании: «Мы не можем ожидать милостей от природы. Взять их – наша задача». Причём анализ многих событий подтверждает: дополнительный груз проблем часто возникает из стремления сломить цикл, насильственно перейти в новое качество. Вспомним: «природа – не храм, а мастерская»; «когда враг не сдаётся...». Для общества индустри-

ального порой это было оправдано и нормально. Другое дело – время глобального переформатирования, появления блоков постсовременности, фиксации хозяйственных систем до-, пост- и собственно индустриальных в одном временном пространстве. На передний план выходят процессы, которые принципиально жёстко не детерминируются. Ими нельзя управлять вообще, либо же регуляция ограничена (от известных катаклизмов эпохи до общегражданского диалога и принятия решений, где участников «контролируют» процесс и структура). Как известно, дело – в рассеянности, децентрации, неконцентрируемости знания и опыта, которые принципиально не централизуются (в отличие от власти), а также в инерционности, консерватизме институциональной памяти наряду с гибкостью, изменчивостью входящих в механизмы общественной саморегуляции, самовоспроизводства и саморазвития культурно-цивилизационных миров, получающих дополнительный импульс в постглобальных процессах. При этом знание воплощается не столько в фактах, сколько в привычках и традициях, навыках и интуиции, передаваясь при взаимодействии людей. Решения диктует преимущественно подсознание, сознание часто лишь рационализирует принятое решение. Потому обеспечение укоренённости изменений достигается созданием новых традиций, открывающих простор развитию форм при опоре на общецивилизационные тенденции, трансформации и учёту существующей институциональной памяти народа.

Гораздо более плодотворная стратегия общественного переформатирования – культивировать гуманные условия жизнедеятельности, стимулирующие развитие и раскрытие сущностных сил человека. Так, созидательный характер итогового вектора трансформаций культурно-цивилизационного мира предполагает доминанту исторического творчества, обогащающую всю ойкумену и обеспечивающую гуманизацию общественных отношений. Однако только способные к сознательному критическому осмыслению действительности личности и имеющие соответствующую информационную инфраструктуру культурно-цивилизационные миры могут длительное время успешно противостоять шаблонам и стереотипам глобальных СМИ, материальному и бездуховному натиску внешних для цивилизации техноструктур. Тем самым общество обеспечивается своеобразными социокультурными «осями координат». При этом не просто создаются основания, точки конденсации роста ответственности и гражданственности, а формируются социально значимые мотивации действий/бездействия, конечный вектор трансформаций, активизация производительных сил общества, упорядочивается социальный хаос. Одновре-

менно страны, которые демонстрировали высокие достижения во всех областях социального общежития, как правило, основывались на широком объединении усилий различных слоёв населения на задачах гражданского согласия и достижения общественной соборности. Это, в свою очередь, требует учёта общественных представлений о нормативном и должном, справедливом и неотъемлемом.

Выводы. Затянувшиеся постсоветские радикальные трансформации накладываются на куда более серьёзное переформатирование ойкумены и комплексные изменения в ней, тем более неотложные, что ценой затягивания может стать не только качество развития, но и просто сохранение жизни. Следование представлениям о рефлексии диапазона ресурсно-методологических возможностей постглобального переформатирования выводит на авансцену конкуренции между культурно-цивилизационными мирами социальный уровень, а также социокультурное качество информационного взаимовлияния и давления в направлении изменений, расцениваемых как благоприятные. Гибкий учёт постглобальных особенностей и роли аспектов и динамики переформатирования выступает при этом важным фактором предотвращения реализации худших сценариев обрыва в контрмодерн с присущими ему социальным каннибализмом, торжеством насилия и дикости.

Постглобальная трансформация ресурсно-методологических баз конкуренции между культурно-цивилизационными мирами формирует потребность в соборном состоянии общества, предполагающем баланс социальных интересов групп населения и учёт общественных представлений о справедливости, укоренённого в культурно-цивилизационном мире восприятия нормативов и традиций народовластия, форм народного контроля и развития. С этой целью может быть привлечён механизм государственно-частного партнёрства как наиболее распространённая часть реализации единства принципа публично-приватного партнёрства.

Оптимизация дальнейшего научного освоения этой сферы, на наш взгляд, может достигаться исследованием изменений концептуальной власти под влиянием как исторических вызовов постглобализма и тенденций сетецентризма в медиапространстве, так и диапазона изменчивости институциональной памяти народа.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Валлерстайн И. Геополитические миротемные изменения: 1945–2025 годы / И. Валлерстайн // Вопросы экономики. – 2006. – № 4. – С. 67–82.
2. Kurth J. Toward the Postmodern World / J. Kurth // Dialogue. – 1993. – № 2. – P. 8–13.

3. Шедяков В. Постглобализм как социально-экономическое явление / В. Шедяков // Рухес. – 2016. – № 4(3). – С. 104–114 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : journal-ruhis.com>uploads>2016/10.

4. Trout J. Differentiate or Die: Survival in Our Era of Killer Competition / J. Trout, S. Rivkin. – 2-nd ed. – NY : John Wiley and Sons, 2008. – 272 p.

5. Шедяков В. Стратегічна конкуренція макрорегіонів і стимулювання бажаних трансформацій / В. Шедяков // Віче. – 2012. – № 22 (331). – С. 30–32.

6. Hall E. Beyond Culture / E. Hall. – Anchor Books, 1989. – 298 p.

7. Шедяков В. Постмодернізація трудових відносин як об'єкт соціального управління / В. Шедяков : автореф. дис. ... доктора соціол. наук. – Харків, 1996. – 32 с.

8. Соловьёв А. Политическая коммуникация: к проблеме теоретической идентификации / А. Соловьёв // Политические исследования. – 2002. – № 3. – С. 5–18.

9. Садохин А. Введение в теорию межкультурной коммуникации / А. Садохин. – М. : Высшая шк., 2005. – 310 с.

10. Бодров А. Виртуальная реальность как когнитивный и социокультурный феномен / А. Бодров. – Казань : Таглитат, 2005. – 195 с.

11. Кара-Мурза С. Власть манипуляции / С. Кара-Мурза. – 2-е изд. – М. : Академический Проект, 2009. – 380 с.

12. Панарин И. СМИ, пропаганда и информационные войны / И. Панарин. – М. : Покорение, 2012. – 336 с.

13. Жаров М. Хроники информационной войны / М. Жаров, Т. Шевяков. – М. : Европа, 2009. – 48 с.

14. Шедяков В. Конкуренція смислів і протистояння стратегій соціально-інформаційних систем / В. Шедяков // Сучасні інформаційні технології у сфері безпеки та оборони. – 2013. – № 2 (17). – С. 109–114.

15. Шедяков В. Організація асиметричних впливів інформаційних систем / В. Шедяков // Сучасні інформаційні технології у сфері безпеки та оборони. – 2010. – № 2 (8). – С. 71–75.

16. Шедяков В. Социальный уровень информационного влияния как аргумент в стратегической конкуренции культурно-цивилизационных миров / В. Шедяков // Гілея. – 2014. – Вип. 91 (12). – С. 249–258.

17. Шедяков В. Стратегия постсовременного взаимодействия : методология и ресурсная база дальнейшего совершенствования / В. Шедяков // Нова парадигма. – 2014. – Вип. 119. – С. 34–52.

18. Шедяков В. Ефективні технології соціального проектування: динаміка змін // В. Шедяков / Віче. – № 6(315). – С. 26–28.

19. Шедяков В. Место социальной ответственности в обеспечении продуктивной основы реализации общественных интересов / В. Шедяков // Соціальна відповідальність влади, бізнесу і громадян : у 2-х т. / заг. ред. Г. Півняка ; М-во освіти і науки України ; Нац. гірн. ун-т. – Д. : НГУ, 2014. – Т. 1. – С. 282–290.

20. Єщенко П. Нова модель держави / П. Єщенко, Б. Кваснюк, О. Бірюков. – Слов'янськ : Печатний двор, 2002. – 143 с.

21. Шедяков В. Держава: майбутнє економічного ідеалу / В. Шедяков [Електронний ресурс]. – Режим доступу : <http://ua-ekonomist.com/3627-derzhava-maybutnye-ekonomchnogo-dealu.html>.

22. Шедяков В. Воплощение идей социального государства: утопия или необходимость, позади или впереди? // Первый независимый научный вестник. – 2015. – № 1. – Ч. 2. – С. 44–48 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.firjournal.com.ua>.

23. Спиридонов А. Государственно-частное партнёрство: понятие и перспективы совершенствования законодательного регулирования / А. Спиридонов // Актуальные проблемы соц.-эк. развития России. – 2010. – № 1. – С. 36–41.

24. Хлебников К. Государственно-частное партнёрство: экономическое содержание

и институциональные границы / К. Хлебников // Экон. науки. – 2011. – № 6. – С. 129–133; № 7. – С. 131–135.

25. Шедяков В. Государственно-частное партнёрство в обеспечении единства общественных, коллективных и личных интересов / В. Шедяков // Актуальні проблеми філософії та соціології. – 2015. – № 7. – С. 150–155.

26. Шедяков В. Розвиток державно-приватного партнерства як необхідна складова частина проведення успішної модернізації країни / В. Шедяков // Віче. – 2012. – № 12 (321). – С. 22–24.

27. Шедяков В. Гуманизация социальных отношений средствами публично-приватного партнёрства в процессе становления умного общества / В. Шедяков // Personality Development In the Age of Globalization. – Morrisville, USA : Lulu Press, 2016. – P. 46–50.